

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ КАК ИНСТРУМЕНТА
ВЛАСТИ В РАННЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИДЕИ И ИХ РЕАЛИЗА-
ЦИЯ¹

Доклад посвящен роли партии большевиков в рамках социального эксперимента по строительству нового общества в 1917–1936 гг. Не обладая официальным статусом органа управления, она постепенно трансформировалась из боевой организации периода военного коммунизма в направляющую усилия созидания социализма структуру во время НЭПа, а затем фактически в правящую партию периода индустриализации и коллективизации. В ходе экспериментов и дискуссий было выработано несколько подходов к взаимодействию партийных органов с всевозможными предприятиями, организациями и учреждениями. Первый подход – прямое администрирование и мобилизационные кампании, востребованные как чрезвычайные меры в период борьбы за удержание контроля над обществом. Второй – контроль деятельности и подбор кадров. Он начал преобладать в более поздние периоды после окончания Гражданской войны, тем не менее, не вытесняя полностью первый подход и продолжая сосуществовать с ним.

Ключевые слова: социальное конструирование, партия большевиков, боевая организация, правящая партия, руководство, мобилизация, контроль

Партия большевиков играла значительную роль в эксперименте конструирования раннесоветского общества, поскольку она стремилась не только направлять усилия, но и управлять как отдельными предприятиями и ор-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

ганизациями, так и обществом в целом. Руководящая роль партийных органов, хоть и декларировалась ими в собственных официальных документах¹, не была юридически закреплена в конституции РСФСР и, позднее, СССР [Конституция, 1918; Конституция, 1924]. Партийные лидеры не предполагали для партии официального статуса в качестве основного атрибута [О партийном строительстве, 1924, с. 148]. Ее трансформации в течение рассматриваемого периода привели к тому, что партийные органы, превращались в инструмент контроля проведения масштабного социального эксперимента.

Хотя партийным организациям и отводилась главенствующая роль в советском обществе [см., напр.: Роль и задачи профсоюзов, с. 487], готовых управленческих рекомендаций ко времени прихода большевиков к власти не было выработано. В текущей деятельности им приходилось руководствоваться общими представлениями как о пролетарском государстве в целом, так и о партии в частности, как по отраженному в документах представлению самой партии. Методы взаимодействия партии как с органами власти и управления, так и с общественными организациями вырабатывались и корректировались в ходе непосредственной деятельности и внутрипартийных дискуссий. Они варьировались от общего контроля предпринимаемых мер и подбора кадров до прямого вмешательства в работу и даже подмены партийными органами деятельности советских учреждений и хозяйственных организаций.

В период военного коммунизма 1917–1921 гг. окружающей обстановкой было обусловлено преобладание мобилизаций и системы боевых приказов среди методов работы партийных органов. «Военно-командная форма пролетарской диктатуры» осознавалась как вынужденная необходимость [РКП (б). Съезд, 8-й., с. 189–190] и распространялась не только на собственно партийные органы, но и на взаимодействующие с ними учреждения и организации. Во многом такая мера была вынужденной, поскольку в обстановке

---

¹ Формулировка «правлящей партии в Советском государстве» [см.: Устав ... [1934], с. 134].

революции и Гражданской войны выстраивание административного аппарата зачастую уходило на второй план по сравнению с задачей удержания власти. Логичной на данном этапе была концентрация полномочий в руках чрезвычайных органов и должностных лиц, которые, как минимум, разделяли коммунистические идеи.

Решения принимались в форме прямых распоряжений, подкрепленных авторитетом партийных деятелей, таким образом, партийные руководители фактически брали на себя часть функций советского органа или подменяли его собой. О сложившемся порядке управления свидетельствуют выступления на VIII съезде РКП (б) об «отсутствии общих директив» [РКП (б). Съезд, 8-й., с. 28], необходимости партработников на местах брать «инициативу на свой страх и риск» [Там же, с. 26], решении вопросов от случая к случаю [Там же, с. 28].

Ярким примером подобного стихийного конструирования могут служить ревкомы и институт назначаемых в наиболее нестабильные, по мнению руководителей Советской России, регионы чрезвычайных комиссаров. Ревком в своей деятельности мог замещать собой партийные и советские органы, однако все еще продолжал оставаться хоть и чрезвычайным, но коллегиальным органом. Чрезвычайные комиссары осуществляли свои полномочия в одиночку. К концу Гражданской войны эти чрезвычайные органы и уполномоченные лица постепенно были заменены советской системой, однако ситуация, когда партийные органы и отдельные должностные лица вмешивались в деятельность органов власти и управления, продолжала существовать и после завершения основных боевых действий.

Мобилизации принимали форму различных кампаний с активным участием коммунистов в них. В 1920 г. принято решение об обязательности для коммунистов подобных трудовых мобилизаций, с исключением из партии и занесением в черные списки уклоняющихся [По организационному вопро-

су, 1920, с. 262]. Этот подход к деятельности как к организации массовых мобилизаций сохранялся и в дальнейшем.

В период НЭПа выполнение партийными органами любого уровня функций государственного управления уже не рассматривалось как норма, им настоятельно рекомендовалось «не подменять собой соответствующих органов Советов» [О партийном строительстве, 1925, с. 359]. Прямое выполнение парторганизациями в сельской местности административной и хозяйственной работы (в особенности, финансово-налоговой) советских органов отмечалось как недопустимое явление и следствие слабости советского аппарата на местах [О работе РКП в деревне, с. 117]. Поскольку партия «ни в коей мере не может быть рассматриваема как учреждение или ведомство» [О партийном строительстве, 1924, с. 148], основное внимание уделялось проведению в жизнь требуемых решений законным путем через Советы. Партийные организации должны были направлять их, но не управлять ими напрямую. Однако полного отказа от мер прямого воздействия не предусматривалось, в частности, официально признавалась необходимость эластичности организации партийных комитетов для быстрого перехода к ней [О военном коммунизме, с. 327].

Влияние коммунистов расширялось все более благодаря работе коммунистических фракций в Советах и профсоюзах за счет тщательно воспитываемой сплочённости ее членов и обязанности поддерживать «линию партии» в деятельности органов организаций. Работе фракций во внепартийных учреждениях посвящены специальные резолюции всероссийских и всесоюзных съездов партии большевиков, а также специальный раздел практически в каждой из четырех редакций устава партии в период 1917–1936 гг. [Устав, 1919; Устав, 1922; Устав, 1925; Устав, 1934]. Фракции (после 1934 г. – партийные группы [Устав, 1934, с. 144]) должны были проводить партийные решения через органы, в которых работали их члены. Связанные с работой партийной фракции вопросы, в случае необходимости, решались через соот-

ветствующий партком за подписью его секретаря и члена бюро фракции. По решенным партией вопросам члены фракции в процессе работы советского или хозяйственного органа должны были голосовать единогласно.

Фракции образовывались во всех учреждениях и организациях, где работало три и более коммуниста, и Советы не были исключением. Первостепенное внимание уделялось данному виду работы в Советах всех уровней, прежде всего, губернского, но фракции создавались и в Советах более низкого уровня для лучшего влияния на их деятельность. О взаимодействии с Советами говорилось еще в рамках резолюции VIII съезда, что «свои решения партия должна проводить через советские органы в рамках советской конституции. Партия стремится руководить деятельностью Советов, но не заменять их» [По организационному вопросу, 1919, с. 108]. Основной механизм воздействия партийных органов на подведомственные им предприятия, учреждения и организации — проверка деятельности на соответствие важнейшим партийным решениям, подбор кадров на руководящие должности, в первую очередь, с помощью фракционной работы.

Деятельностью Советов губернского (краевого, областного) уровня, уровня национальной республики руководит губком (крайком, обком, ЦК республики), а деятельностью низовых советов — уездных и волостных (окружных) — уком (окружком) [Устав, 1919, с. 205–206; Устав, 1922, с. 576–577; Устав, 1925, с. 477–479; Устав, 1934, с. 140–142]. Тем не менее, рекомендации включать в руководящие структуры советских органов представителей (секретарь и бюро) парткомов, а в состав бюро парткома — руководителя исполкома [О партийном строительстве, 1925, с. 359] могли создавать возможности для смешения деятельности партийных и советских учреждений, кроме того, использовалось совмещение должностей из-за недостатка работников.

Фракции большевиков стали образовывать и в других организациях, прежде всего — в профсоюзных объединениях. Согласно решению IX съезда, в каждом профсоюзе должна существовать дисциплинированная организо-

ванная фракция коммунистов [О профсоюзах и Коммунистической партии, с. 255], но при этом профсоюзы должны были оставаться формально непартийными [Роль и задачи профсоюзов, с. 486]. Парторганизация соответствующего уровня должна направлять деятельность хозяйственных органов и подбирать и обновлять руководящий состав для них (в том числе из беспартийных кандидатов) [Об укреплении и новых задачах партии, с. 508].

Несмотря на обилие общих указаний [см., напр.: Об укреплении и новых задачах партии, с. 509], остаются возможности для различного их истолкования. Тем не менее, «мелочное вмешательство в повседневную работу» советских и хозяйственных органов (не в последнюю очередь, профсоюзов) было официально объявлено одним из «уклонов, которые особо недопустимы» [О работе профсоюзов, с. 459]. Этот факт косвенно свидетельствует о сохранении практики непосредственного вмешательства партийных работников в работу данных органов.

В 1930-е гг. партийный и государственный аппараты были практически сформированы, причем с тяготением к централизации в рамках концепции «демократического централизма». Четко не сформированная изначально, она была конкретизирована после внутривнутрипартийных дискуссий 1920-х гг. и окончательно закреплена как принцип партийного строительства в Уставе партии сравнительно поздно – в 1934 г. [Устав, 1934, с. 137]. В это время окончательно происходит переориентация на руководящую модель партийной организации. Официально у партийных комитетов не было юридического статуса, который позволял бы принимать значимые решения на уровне ответственности советских органов соответствующего уровня, однако налицо стремление оказывать влияние на их решения с помощью партийной дисциплины и ответственности входящих в их состав коммунистов. Со временем все больше стали привлекать беспартийных активистов к деятельности партийных органов, даже появились специальные группы сочувствующих под руководством первичных организаций. Устав 1934 г. предписывал, что группа сочувству-

ющих «безоговорочно подчиняется всем решениям партийных органов» [Устав, 1934, с. 136], при этом членами партии не являясь. К отбору членов группы сочувствующих предъявлялись примерно такие же требования, как к приему в партию в первые годы существования Советской власти [Ср.: Устав, 1919, с. 201; Устав, 1934, с. 137].

Во время изменения партийного курса на упрочение контроля над обществом повышенное внимание уделялось низовым парторганизациям (ячейкам) и их взаимодействию с предприятиями и учреждениями, в частности, в официальных партийных документах регламентированы цели и способы деятельности ячеек, введены собрания организаторов ячеек и участков для лучшей координации работы. В 1930-е гг. для усиления партийного контроля, организационной работой через институт парторгов были охвачены не только малочисленные ячейки и кандидатско-комсомольские группы как на производстве, так и в сельской местности, но и группы сочувствующих, которые не были формально связаны с выполнением партийных задач, но должны были формироваться местными парторганами и подчиняться им же.

Партия большевиков в раннесоветском обществе, несмотря на отсутствие закрепленного в нормативных актах юридического статуса, играла важную роль контролирующей силы для эксперимента по конструированию социальной реальности. Поскольку ко времени прихода большевиков к власти не было предложено готовых рекомендаций, механизмы руководства и контроля вырабатывались в соответствии с текущими задачами каждого конкретного этапа строительства раннесоветского общества. В период военного коммунизма, согласно задаче удержания власти и победы в Гражданской войне, преобладала система боевых приказов и проведение мобилизационных кампаний различной направленности с прямым вмешательством в чрезвычайных должностных лиц и органов деятельность предприятий, учреждений и организаций. В периоды НЭПа и индустриализации данные методы

фактически сохранялись, но были признаны нежелательными, в некоторых случаях – недопустимыми.

В 1920-е гг. партия из боевой организации преобразовывалась в направляющую с постепенной выработкой модели взаимодействия, при которой возможно руководить деятельностью подведомственных предприятий и организаций без прямого администрирования и подмены ее собственными действиями. В идеале, взаимодействие с советскими и хозяйственными органами должно было заключаться во фракционной работе, направлении деятельности в коммунистическое русло и продвижении согласованных с вышестоящими партийными органами кандидатов. В период индустриализации и коллективизации партия большевиков все больше становилась правящей с повышенным вниманием к направлению в нужное русло деятельности управленческих и хозяйственных органов, а также общественных организаций, без непосредственного администрирования. Тем не менее, мобилизационные кампании продолжали использоваться как инструмент воздействия на социальную реальность в сочетании с уже выработанной моделью общего контроля деятельности и подбора кадров.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.06.2017).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508665/ (дата обращения: 25.06.2017).

О военном коммунизме. Резолюция X съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 324–327.

О партийном строительстве. Резолюция XIII конференции РКП (б) [1924] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 145–152.

О партийном строительстве. Резолюция XIV конференции РКП (б) [1925] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 353–368.

О профсоюзах и Коммунистической партии. Резолюция IX съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 255–256.

О работе профсоюзов. Резолюция XIV съезда ВКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 444–461.

О работе РКП в деревне. Резолюция XII съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 116–125.

Об укреплении и новых задачах партии. Резолюция XI съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 500–509.

По организационному вопросу. Резолюция VIII съезда РКП (б) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 103–108.

По организационному вопросу. Резолюция IX съезда РКП (б) [1920] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 261–267.

РКП (б). Съезд, 8-й. Москва, 1919. Протоколы. М., 1959.

Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики. Резолюция XI съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 486–487.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1925] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 474–489.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1934] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 6, 1933–1936. М., 1983. С. 133–145.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 201–209.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1922] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 573–583.